

М. А. Клинова

«Что такое хорошо и что такое плохо»: эволюция нормативных поведенческих моделей младших школьников на страницах букварей середины 1940-х–1960-х гг.

*Называют часто нас «маленькие дети»,
А уж мы по семь годов прожили на свете.
(Редозубов С. П. Букварь для обучения чтению и письму.
3-е изд. М.: Учпедгиз, 1946. С. 96)*

**Клинова
Марина
Александровна,**
кандидат
исторических наук,
доцент, Уральский
государственный
экономический
университет
(Екатеринбург,
Россия)

В изучении повседневности в ее советском измерении важную роль играет рассмотрение механизмов и инструментов формирования сознания граждан. Такими инструментами или проводниками, через которые транслируются идеологические, моральные и этические императивы, являются СМИ, журналы различной направленности, художественная литература. Специфика информационного континуума, транслируемого через данные каналы, определяется как тематикой издания, так и направленностью на определенную аудиторию, предполагающей адаптацию содержания к различным категориям социума. В связи с этим достаточно уникальным и своеобразным источником транслируемых нормативных конструктов является букварь — обучающее издание для младших школьников.

В данной работе мы обратимся к анализу текстов и визуальных изображений, помещенных на страницах букварей, изданных в СССР в период с середины 1940-х по 1960-е гг., с целью выявления динамики транслируемых

данным изданием этических, нравственных, идеологических конструктов, а также эволюции должных и стигматизируемых поведенческих образцов, презентуемых первоклассникам.

На первой странице Букваря, изданного в 1987 г., в обращении к читателю обозначены следующие пожелания: «Будь старательным и трудолюбивым <...> школа поможет тебе стать грамотным и трудолюбивым гражданином нашей великой Родины»¹. Фактически уже с первых страниц Букваря обозначен один из ключевых компонентов эталонной поведенческой модели советского человека — труд. Иллюстрации и описания детской трудовой деятельности и труда взрослых в избытке встречаются в советских букварях 1940-х — 1960-х гг.

Трудовые практики представлены самыми разнообразными видами деятельности: от труда сталеваров и доярок до сюжетов, где героями являются дети, занятые распиловкой дров и уходом за домашним скотом. Вне зависимости от своей направленности труд презентуется через коннотации необходимой, важной, полезной деятельности, раскрываясь, порой в эпическом ключе, как «труд на века», для будущих поколений: «Старик сажал яблони. Ему сказали: “Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с них плодов, и ты не съешь с них яблочка.” Старик ответил: “Я не съем — другие съедят, мне спасибо скажут”»². Относительно проблематики детского труда, обращает на себя внимание тот факт, что сложность или трудоемкость деятельности вовсе не освобождала ребенка от ее выполнения. Проблема решалась путем «настроек» детских инструментов, делающих процесс труда возможным: «У Шуры лом. Шура мал. И лом у Шуры мал»³. В ряде случаев презентация детской трудовой деятельности реализуется через синонимичную понятию «труд» категорию «работа». «Работа» определяется фактически как имя собственное. Занятие работой предполагает абсолютизацию данной деятельности и полную погруженность в нее: «Бери, Борис, борону, бери лошадь. Надо ехать в поле. У Бориса забота. У Бориса работа»⁴. «Иди, Дима, в огород. У нас в огороде вырос лук и укроп. Неси их в дом <...> ты, Елена, иди, поли репу и морковь. А Зина будет полоть редис и салат. Вот, дети, вам работа»⁵. В букварях 1960-х гг. сельские декорации сменяются городскими, но понятие «работа» не утрачивает актуальности: «Мама и дети были дома. Мама готовила обед. Нюра чистила кастрюлю. Люба взяла утюг. Она гладила костюм. Илюша чистил брюки. Все были заняты работой»⁶.

В целом в изданиях 1940-х — 1960-х гг. тексты и изображения, посвященные трудовой деятельности (взрослых и детей), количественно преобладают над сюжетами, посвященными учебе и гигиене (даже в их суммарном значении), уступая лишь сюжетам, посвященным детским играм и прогулкам (табл. 1). Фиксируемая количественная закономерность тематического распределения сюжетов высвечивает первостепенность именно трудовых практик в процессе социализации советского школьника.

В русле формирования «правильных» поведенческих моделей младших школьников в текстах букварей актуализирована проблематика бережного отношения детей к вещам. Так, в изданиях 1952, 1959 и 1963 гг. приводится следующее стихотворение, под названием «Береги свои вещи»: «Сами вещи не растут. Вещи сделать — нужен труд. Карандаш, тетрадь, перо, парты, доски, стол, окно, книжку, сумку — береги, не ломай, не мни, не рви»⁸. В данном тексте достаточно категорично

Таблица 1.
Тематическое распределение текстовых и визуальных сюжетов
в букварях 1946–1967 гг.⁷

Сюжеты		Год издания букваря					
		1946	1952	1959	1962	1967	
Общее количество сюжетов*		Кол-во	137	181	193	124	121
		%	100	100	100	100	100
Трудовая деятельность	Взрослые	Кол-во	12	28	31	7	5
		%	8,7	15,4	16	5,6	4,1
	Взрослые и дети	Кол-во	2	–	–	6	2
		%	1,4	–	–	4,8	1,6
	Дети	Кол-во	16	26	26	27	21
		%	11,6	14,3	13,4	21,7	17,3
Сбор ягод, грибов, рыбалка	Взрослые и дети	Кол-во	–	–	–	–	–
		%	–	–	–	–	–
	Дети	Кол-во	12	10	10	10	10
		%	8,7	5,5	5,1	8	8,2
Учебная деятельность		Кол-во	11	21	23	12	9
		%	8	11,6	11,9	9,6	7,4
Гигиена, зарядка		Кол-во	4	7	10	12	13
		%	2,9	3,8	5,1	9,6	10,7
Игры, прогулки		Кол-во	36	50	56	32	33
		%	26,2	27,6	29	25,8	27,2
Прием пищи		Кол-во	14	6	8	4	2
		%	10,2	3,3	4,1	3,2	1,6
Другие сюжеты		Кол-во	30	33	29	14	26
		%	21,8	18,2	15	11,2	21,4

* Учтены только сюжеты, связанные с изображением или текстовым описанием людей. В общую совокупность не включены изображения природы, сказочных героев, животных, техники и других предметов.

обозначается неприемлемость нерачительного отношения к вещам. Трансляция данного императива реализуется посредством обращения к сакральному для советского дискурса понятию «труда», затраченного на создание вещевой среды школьника. Сакральность труда проецировалась на предметное пространство; тем самым моделировалось подчеркнуто бережное отношение к вещам.

Небрежное отношение к вещам маркируется как девиантная практика и в изданиях второй половины 1960-х гг., но трансляция данной нормы корректируется. Со страниц букваря исчезает вышеозначенное четверостишие о труде, его заменяет текст о мальчике Вите, который, собираясь в школу, ведет диалог с потерянными вещами: «— Где моя рубашка? — Я под столом. Ты меня вчера сюда сунул, — отвечает рубашка...»⁹ В данном фрагменте небрежное отношение к вещам не выводится на этический уровень «попрания труда», мягко «дисциплинарно» санкционируясь: «Наконец Витя оделся. Посмотрел на часы и видит: он давно опоздал в школу»¹.

Обращает на себя внимание то, что детское предметное пространство, отраженное в букварях 1960-х гг., становится значительно шире: появляются витрины магазинов, увеличивается количество игр и игрушек. Это не отменяло требования бережного отношения к вещам, но способствовало некоторому снижению императивности в его формулировке.

В букварях 1940-х — 1960-х гг. наряду с трудовой деятельностью и бережным отношением к вещам положительно презентуются практики самостоятельного изготовления детьми различных предметов, причем достаточно четко фиксируется гендерный аспект — осваиваемые умения и навыки дифференцированы как «мужские» и «женские».

В ряду женских практик самостоятельного изготовления вещей преимущественные позиции занимает шитье. В букварях 1952 и 1959 гг. приводится сюжет, иллюстрирующий данную деятельность: «Была у Груни кукла <...> мама дала Груне нитки, иголку, кусочки ситца. Груня сама сшила для куклы юбки, кофты, платки, связала чулки»¹¹. Данный текстовый фрагмент завершает задание: «Попроси маму научить тебя шить всё, что надо кукле». Категоричная формулировка задания не предполагает отсутствия швейных навыков у старшего поколения советских женщин. Мастерство рукоделия как нормы советской женской идентичности презентуется и в других сюжетах издания — представительницы всех поколений женщин проявляют навыки рукоделия: мама и сестра шьют платья, бабушка чинит или вяжет чулки.

Мужские практики самостоятельного изготовления вещей представлены плотницкими и столярными умениями, реализуемыми в изготовлении различных предметов: ящика для щенка, полки и т. д. В издании 1959 г. приводится целый рассказ-инструкция по изготовлению тачки: «Мальчику очень хотелось иметь тачку. Вот он и задумал сам себе сделать ее. На кухне стоял пустой ящик. Мальчик взял клещи, вытащил гвозди из ящика и напилел из ящика дощечек. Из дощечек он сделал тачку. На полу лежали щепки от ящика. Мальчик взял щетку и сам подмел пол щеткой, а щепки кинул в печку»¹².

В букварях 1960-х гг. сохраняется популяризация практик самостоятельного изготовления вещей. Хотя наряду с картинками, иллюстрирующими изготовление

полок и ящичков, появляются изображения, отражающие практики изготовления детьми игрушек (моделей самолетов). В 1960-е гг. советская повседневность с ее возрастающим вещевым пространством актуализировала навык не только изготовления, но и ремонта детьми вещей. Практика починки вещей, наряду с умением их изготавливать, являлась маркером положительной идентичности. В издании 1963 г. опубликовано стихотворение Г. Ладонщикова «Самокат»: «Самокат сломался мой, я принес его домой. <...> Дома папу стал просить самокат мой починить. — Подожди! — он говорит. — Подожди, ведь не горит? И тогда решил я сам сделать ось для колеса. Гвозди взял и ножик. Кто захочет — сможет! А теперь мой самокат лучше, чем у всех ребят»¹³. Самостоятельное изготовление вещей наряду с трудовой деятельностью было неотъемлемым признаком социализации ребенка советской эпохи, своеобразным маркером взросления. Вхождение в советский «взрослый» мир предполагало не только освоение определенных умений, но и наличие своих инструментов. В связи с этим достаточно символичен сюжет, помещенный в Букваре 1946 г., отражающий момент советского трудового взросления: «Папа купил сыну пилу и топор»¹⁴.

Предпринятый анализ позволяет заключить, что презентация умений самостоятельного изготовления вещей (с их домашней практикой) реализуется уже в первом классе советской школы. Столь раннее обращение к данной теме позволяло сформировать положительное восприятие у младших школьников означенных навыков, которые впоследствии оттачивались и закреплялись на уроках труда в 4–8 классах советской средней школы¹⁵.

Идея самостоятельности и ответственности лейтмотивом проходит через тексты всех букварей 1940-х — 1960-х гг. Но сюжеты, в которых отражены эталонные практики реализации детской самостоятельности, претерпевают определенную корректировку. Так, в текстах букварей 1940-х — начала 1950-х гг. ответственность и самостоятельность читаются в деятельности детей по продовольственному обеспечению семьи (через практики сбора грибов, рыбалку). В букварях 1946 и 1951 гг. помещен сюжет про юного рыбака, который сопровождает следующий текст: «— Мама, смотри-ка! Это щука, а это лещ. — Хорошо, молодец, Коля! Щуку я сварю, а леща жарю. Угощу тебя рыбой»¹⁶. В издании 1946 г. приводится еще один сюжет, презентующий детскую рыбную ловлю не как досуговую деятельность, а как практику насущного обеспечения семьи: «Дима сидел у пруда. Он удил рыбу. На удуд Димы попала рыба. <...> У мамы и Димы ужин — уха и жаркое»¹⁷. Аналогичным образом представлена и практика сбора грибов: «Митя набрал столько грибов, что ему нельзя было все их донести домой. Он сложил их в лесу. На заре Митя пошел взять грибы, но не нашел их. Грибы унесли. И он стал плакать»¹⁸.

Со страниц букварей, изданных во второй половине 1950-х и в 1960-е гг., исчезает образ «ребенка — кормильца семьи». Сюжеты, отражающие детские практики рыбной ловли, сбора ягод и грибов, сохраняются, но уже не презентуются как деятельность, направленная на решение продовольственных проблем. Реализация данных практик отличается сравнительно большей легкостью, спонтанностью. Так, в издании 1967 г. приводится следующий сюжет: «Пошла Вера за грибами... видит: под елкой ежик. Вера посадила ежика в корзинку <...> — Ты уже набрала грибов? — спросил Гена. Посмотрел Гена в корзинку, а там ежик»¹⁹.

В данном случае сбор грибов не презентуется как деятельность по обеспечению семьи и не предполагает ответственного выполнения. Аналогичным образом презентуется сюжет сбора ягод: «Ребята гуляли по лесу. Вышла Надя на полянку. Смотрит: около пня — красные ягоды. <...> Надя собрала их в ладошку»²⁰.

Снятие ответственности за обеспечение семьи сопровождается и некоторым снижением требований, предъявляемых к уровню детской самостоятельности. В 1940-е — первой половине 1950-х гг. дети — герои букварей собирают грибы, рыбачат, обеспечивая семью, самостоятельно ухаживают за скотом, заготавливают дрова. В изданиях 1960-х гг. детские трудовые практики сохраняются, но количественно они в большей степени представлены различными вариантами помощи взрослым, нежели полностью самостоятельной деятельностью. Весьма иллюстративным в этой связи является сюжет из Букваря 1962 г.: «Что ты будешь делать, Катя? — Я сейчас надену платье, застелю сама кровать, буду куклу одевать. Мама фартук свой надела и уборку начала. Дочка тоже как умела уголок свой убрала»²¹.

Предпринятый анализ текстов букварей, где встречается форма «сам сделал», «сам делаю», позволил зафиксировать определенную тенденцию. В изданиях 1940-х — 1950-х гг. данная форма представлена фразами: «сам вожу дрова», «сам подмел», «сама сшила вещи», при единичном упоминании сюжета «сама мыла руки». В текстах букварей 1960-х гг. количественно доминируют фразы: «сам мыл уши», «сам застелю кровать», «сам оделся», «сама решу задачу». Адекватной нормой детской самостоятельности выступают практики самостоятельного выполнения уроков и гигиенических процедур: «Кто сам одеться утром смог, тот начал славно свой денек»²². В отличие от 1940-х и 1950-х гг. сюжеты, посвященные гигиенической проблематике, количественно возрастают (табл. 1). Хотя в изданиях 1960-х гг. сохраняются и более «трудовые» вариации, употребляемые с определительным местоимением «сам»: «сама сушу белье», «сама мыла раму», «сами сажали деревья», но количественно они уступают гигиенической и учебной тематике.

Выявление данной тенденции позволяет прийти к выводу о произошедшей в 1960-е гг. корректировке деятельностной стратегии младшего школьника, транслируемой на страницах издания. Ребенок перестает презентовать себя как самостоятельная «трудовая единица», член семьи, самостоятельно и ответственно решающий хозяйственные и продовольственные проблемы. В 1960-е гг. возлагаемые на первоклассника обязанности в большей степени связаны с самостоятельным эффективным структурированием его личного пространства (игры, игрушки, уроки, гигиена), поэтому и само издание в 1960-е гг. становится более детским. В качестве действующих лиц в букварях 1960-х гг. все чаще фигурируют одушевленные вещи, говорящие животные, сказочные персонажи. Так, если в изданиях 1952, 1959 гг. упомянуто по одному сказочному фрагменту (Курочка Ряба), в издании 1962 г. — два сюжета, то в Букваре 1967 г. сказочный спектр расширяется до семи сюжетов.

Важной составляющей социализации являлось усвоение первоклассниками этических и моральных установок, необходимых для формирования советского человека. Преимущественные позиции в контексте данной тематики занимает презентация идеи коллективизма в различных вариациях. Сквозной сюжет букварей рассматриваемого периода — рассказ о детской жадности. Претерпевая

незначительные корректировки в изданиях 1940-х — 1960-х гг., в Букваре 1967 г. он публикуется под названием «Яша»: «Яша всегда говорил: — Это мое яблоко! Это мой конь! Это моя машина! Вот сколько игрушек! И все мои! Все дети играли вместе. Им было весело. А Яша не отходил от своих игрушек. Он сидел один и скучал»²³. Данный текст, сопровождаясь нарочито комичным изображением жадины, завершается вопросом «Почему скучал Яша?», предполагая самостоятельное формулирование первоклассниками выводов об ущербности жадности, необходимости делиться и преимуществах коллектива.

Другой сюжет названного Букваря повествует не о девиантных, а о «правильных» практиках поведения и распределения благ в коллективе. Рассказ «Земляника», сюжетом которого является сбор небольшого числа ягод, завершается следующим текстом: «Петя! Вася! Идите скорее ко мне! Земляника! <...> Прибежали ребята. И всем досталось по две ягодки»²⁴. В целом транслируемая на страницах издания идея коллективизма не претерпевает существенных изменений в рамках периода. Детские коллективные практики игр и труда презентуются в максимально положительном свете, отсылая к понятиям веселья, дружбы, взаимопомощи: «Дружно в школе живет детвора. Вместе работа и вместе игра»²⁵.

В контексте рассмотрения эволюции этических конструктов, презентуемых на страницах букварей, обращает на себя внимание трансформация образов смешного — сюжетов, в которых описана ситуация, сопровождаемая смехом героев либо призванная вызывать улыбку читателя. В Букваре 1944 г. приводятся стихи И. З. Сурикова «Детство»: «Вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой, вот свернулись санки, и я набок — хлоп! Кубарем качусь под гору, в сугроб. И друзья-мальчишки, стоя надо мной, весело хохочут над моей бедой. Все лицо и руки залепил мне снег... Мне в сугробе горе, а ребятам смех!»²⁶ Аналогичный сюжет «смешного падения» приведен в букварях 1951 и 1957 гг. «Федя съехал с горы. Он въехал в сугроб и упал. <...> Витя подъехал и смеется»²⁷.

Данная сюжетная линия, четко читаясь в изданиях 1940-х — 1950-х гг., корректируется в 1960-е гг., когда из букварей полностью исчезают сюжеты «смешных падений». Изживание примеров подобного юмора происходит не только путем отказа от данных сюжетов, но и через корректировку фрагментов текста. Так, в издании 1952 г. помещен рассказ «Лёня и Трезор»: «Сделал папа Лёне тележку. <...> поймал Лёня Трезора, запряг его в тележку и сам сел <...> вдруг Трезор увидел кошку. Он быстро побежал за кошкой. Испугался Лёня <...> а Трезор бежит изо всех сил, догоняет кошку. Ребята стоят и смеются»²⁸. Аналогичный рассказ имеет иное завершение в Букваре 1959 г. (здесь Лёня не сам сел, а посадил брата в тележку), финалом истории выступает не детский смех, а фраза: «Лёня взял брата из тележки»²⁹.

Параллельно со «смешными» сюжетами в букварях 1940-х гг. встречается использование грубых лексических форм. Так, в издании 1944 г. приведен следующий текст: «У Гали котятка. <...> Собака бегала и лаяла на них. Гони собаку вон»³⁰. Аналогичная фраза фиксируется в Букваре 1946 г.: «Лиза махала рукой на козу. — Пошла вон»³¹. Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные грубые лексические формы не стигматизируются, не маркируются как девиантные. Видимо, корректировка поведения животных с помощью означенных лексических

форм не являлась прямым проявлением грубости (агрессии и раздражения), скорее отражая обыденную, признанную нормой практику.

В изданиях 1940-х гг. описываются и более грубые детские проявления, но уже не лексического, а поведенческого плана. В Букваре 1946 г. приведены следующие сюжеты: «Мальчики играли у пруда и увидели в реке лягушек. Они набрали камней и принялись швырять в них камнями. Детям было очень весело»³²; «Мальчик Илья играл плетью. Он начал бить собаку. Собака завизжала и убежала»³³. Данные практики детской агрессии в текстах букварей маркируются как девиантные, сопровождаясь отрицательной оценкой, но аргументация, почему это «плохо», в каждом из примеров различна. Текст первого фрагмента завершается следующими строчками: «Шла мимо старушка и сказала: “Перестаньте, дети, камнями швырять: вам это забава, а лягушкам смерть”»³⁴. В данном случае аргументация выстраивается с позиций гуманизма, хотя и обращает на себя внимание апелляция к понятию «смерть». Но, вероятно, в контексте эпохи 1940-х гг. данная категория не воспринималась как чуждая советской повседневности послевоенных лет, что не исключало возможности ее употребления на страницах букваря. В тексте второго сюжета фиксируется не столь гуманная линия аргументации: «Мать Илье сказала. — Зачем ты, Илья, бьешь собаку? Собака уйдет — и ночью некому будет стеречь нас»³⁵. Ниже данного рассказа приведена фраза «Собака — друг человека». Хотя, судя по раскрываемой в сюжете логике, основа данной «дружбы» была весьма прагматичной.

Изживание со страниц букваря грубой лексики и, как уже было отмечено выше, различных вариантов изображения «смешных падений» происходит в 1960-е гг. В изданиях этих лет на смену выявленной тенденции приходит противоположная, связанная с демонстрацией деликатности и ласки в практиках межличностного общения и в обращении с животными. В букварях 1962 и 1967 гг. приводится следующий текст: «Вот куры. <...> Марина дала курам проса и крапивы. Она ласково поманила кур»³⁶.

Реализация данной тенденции сопровождается и корректировкой некоторых эпизодов. В изданиях 1940-х — 1960-х гг. помещен рассказ о коне Орлике. В тексте Букваря 1962 г. процесс ухода детей за лошадью фиксирует в основном хозяйственные практики: «Иван насыпал Орлику овса. <...> Миша носил воду»³⁷. В издании 1967 г. отношение ребенка к лошади прописывается более детально, выходя за рамки простого перечисления хозяйственных практик ухода за домашним животным: «По утрам Миша приходит к Орлику. Надо Орлика искупать и напоить. Вот Миша и Орлик на пруду. Миша ласково похлопал Орлика»³⁸. Больше тепла и эмоциональности фиксируется и в сюжетах межличностного общения: «Слава рисует ель <...> а вот мой рисунок <...> вошла мама и сказала: — Милые вы мои художники!»³⁹. Этот, казалось бы, непримечательный эпизод специфичен тем, что в более ранних изданиях Букваря фактически не фиксируется проявлений ласки между детьми и родителями (исключая иллюстрации женщин с младенцами на руках).

В целом предпринятый анализ текстов и визуальных образов, помещенных на страницах советских букварей 1940-х — 1960-х гг., позволяет прийти к выводу о значительном информационном потенциале данного источника в изучении

советской повседневности. Материал букварей дает возможность реконструировать нормативные поведенческие модели первоклассников, презентуемые на страницах изданий.

Рассмотрение материалов издания в хронологическом диапазоне послевоенного двадцатилетия позволило выявить в реконструируемой поведенческой модели сектора, отличающиеся неравноценной трансформационной динамикой. Базовое ядро нормативной поведенческой модели младших школьников составляли трудовая деятельность и коллективизм. Презентация данных категорий на страницах букварей фактически не претерпевает изменений в рамках периода. Сущностно выделенные элементы являлись неотъемлемыми составляющими советской системы этических координат, фиксируясь в нормативных поведенческих формах, ориентированных не только на школьников. Практики труда и коллективизма презентуются и в «Моральном кодексе строителя коммунизма» (1961): «Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; <...> коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного»⁴⁰.

Достаточную устойчивость проявляют элементы поведенческой модели, касающиеся проблематики отношения советского школьника к вещам. На протяжении всего исследуемого периода в букварях транслируется идея сохранения вещей, бережного обращения с ними, формируются навыки самостоятельного изготовления и починки вещей. Данные элементы нормативной поведенческой модели, хотя и не формулировались как «коммунистические» (в отличие от общественного труда и коллективизма), являлись важной составляющей советской социализации. Практики самостоятельного изготовления и ремонта вещей выходили за рамки сугубо «школьного» формата, составляя основу положительной идентичности применительно ко всем категориям советского социума вне зависимости от возраста и пола⁴¹. Определенная корректировка данного сектора поведенческой модели заключается в том, что при сохранении общей тенденции «бережливости» в 1960-е гг. происходит некоторое снижение императивности требования беречь вещи, что, видимо, было связано с расширяющимся вещевым пространством советских людей.

От рассмотрения фиксированных элементов нормативной поведенческой модели перейдем к анализу секторов, более подверженных трансформации.

Магистральными импульсами, вызвавшими корректировку нормативной поведенческой модели, стали модернизационные процессы, проходившие в Советской стране в 1950-е — 1960-е гг., при всей масштабности их целей, противоречивости механизмов и неоднозначности результатов⁴². Социально-экономическая проекция модернизации была обозначена урбанизационными процессами, повышением уровня и качества жизни, изменением образа жизни советского населения. В букварях фиксируется трансформация образа жизни советского социума. В изданиях 1960-х гг. городские декорации с их парками, дорогами, магистралями, магазинами начинают вытеснять сельские пейзажи. Городские реалии по-новому структурируют детское повседневное пространство, маркируя опасные сферы. Если в изданиях 1940-х гг. можно встретить сюжет о том, как опасно есть волчьи ягоды, то во второй половине 1950-х и особенно в 1960-е гг. страницы букварей заполняют сюжеты о правилах дорожного движения. Повышение уровня жизни в Советской стране отражается на пропорциональном уменьшении в букварях

сюжетов, посвященных приему пищи (табл. 1). Можно предположить, что подобная динамика — следствие того, что питание выходит из категории практик, требующих максимального напряжения сил и являющихся целью направленной деятельности детей и взрослых.

Модернизационные процессы изменили не только декорации советской повседневности, но и скорректировали элементы поведенческой модели, презентуемой в качестве эталонной для младших школьников.

Очевидные трансформации фиксируются в сфере культуры общения (в ее лексических и поведенческих проявлениях). Распространение городских стандартов жизни обусловило определенное «смягчение нравов» (по крайней мере на уровне эталонных, образцовых практик, преподносимых первоклассникам).

Еще один тренд трансформации нормативной поведенческой модели можно обозначить как своеобразную «эмансипацию» младших школьников, произошедшую в 1950-е — 1960-е гг., проявившуюся в снижении детской ответственности за хозяйственное обеспечение и решение продовольственных проблем семьи.

Освобождение детей от труда на пашне, продовольственного обеспечения семьи и ухода за домашним скотом, фиксируемое в букварях второй половины 1950-х и в 1960-е гг., сопровождается увеличением сюжетов, посвященных участию школьников в работе октябрятской и пионерской организаций (в издании 1946 г. один сюжет, 1959 — три, 1967 — пять). В букварях 1960-х гг. октябрятки помогают бабушкам, ухаживают за малышами в детских садах, увеличивается количество сюжетов, отражающих взаимодействие октябрят и пионеров. Обращает на себя внимание то, что и трудовые практики школьников 1960-х гг. в большей степени, чем ранее, реализуются в рамках данных организаций — увеличивается количество сюжетов, где пионеры и октябрятки помогают колхозникам в уборке урожая, уходе за птицей и скотом, сажают деревья и пр. Таким образом, хозяйственная «эмансипация» младших школьников носила ограниченный характер: частичное освобождение от хозяйственного обеспечения семьи сопровождалось усилением вовлеченности детей в общественные трудовые практики. В связи с этим практики «труда», презентуемые в изданиях в 1960-е гг., становятся более «идеологически верными» — более ориентированными на общественное благо, нежели на обеспечение семейных нужд. Фиксация тенденции большего вовлечения школьников в общественные организации и трудовые коллективы подтверждает справедливость гипотезы, высказанной О. В. Хархординым, по мнению которого в 1950-е — 1960-е гг. советской властью была инспирирована новая волна коллективизации жизни, направленная на включение в коллективы «тех индивидов, которые все еще каким-то образом оставались вне сферы влияния коллективов»⁴³.

В качестве еще одной тенденции изменения нормативной поведенческой модели можно отметить снижение требований к уровню самостоятельности первоклассников. Самостоятельные практики, транслируемые в букварях 1960-х гг., в значительно большей степени, чем в 1940-е гг., определяются решением учебных и гигиенических задач школьника. Первоклассник 1960-х гг. презентуется через более «детские» характеристики, чем его сверстник 1940-х гг., предстающий на страницах издания абсолютно самостоятельной единицей в сфере решения как учебных, так хозяйственных проблем.

Определенная корректировка фиксируется в сфере нормативного отношения ребенка к благам, предоставляемым государством. В текстах изданий 1940-х гг. нормативное отношение школьников к образованию и в целом к окружающему их советскому социальному пространству звучит как благодарность: «...за детство счастливое наше спасибо, родная страна!»⁴⁴. В Букваре 1944 г. помещен более пронзительный сюжет, призванный актуализировать у школьников отношение благодарности к Родине: «Вчера я выучил уроки и стал читать сказку своей старой бабушке. Она долго слушала, потом прослезилась <...> и сказала: “Учись милый, теперь вам все двери открыты”. <...> Папа объяснил мне, что в нашей стране советская власть открыла двери школ всем детям рабочих и крестьян, а раньше этого не было»⁴⁵. В 1950-е — 1960-е гг. из букварей исчезает лексическая и визуальная актуализация категории благодарности как нормы детского отношения к проживаемой реальности. В Букваре 1962 г. нормативное отношение к Родине раскрывается через идею «служения»: «Будем крепко мы дружить и стране родной служить»⁴⁶. Но в более поздних изданиях 1960-х гг. категории «благодарности» и «служения» не фигурируют. В изданиях второй половины 1960-х гг. отражены стройки социализма, покорение Космоса, освоение Севера и прочие сюжеты, призванные вызывать гордость первоклассника за Советскую страну, но данные текстовые и визуальные образы не акцентированы на категории «благодарности», обходя стороной и призывы к служению Родине (как реализации благодарности стране).

Выявленная тенденция синхронизируется с результатами социологических опросов, проведенных в СССР в данный период. Замеры общественного мнения, предпринятые Б. А. Грушиным в начале 1960-х гг., свидетельствовали об абсолютном превалировании в советском социуме социалистических ценностей, в ряду которых труд на благо Родины⁴⁷. Социологические исследования второй половины 1960-х гг. позволили Б. А. Грушину прийти к выводу о формировании в советском социуме более потребительского отношения к советской действительности. Ценностные ориентации граждан характеризовались выдвиганием на первый план личных, а не коллективных интересов, снижением ценности труда на благо Родины, а также общим разочарованием граждан в идее построения коммунистического общества⁴⁸.

Синхронность выявленных тенденций позволяет прийти к выводу о взаимосвязи советского нормативного континуума (представленного изданиями букварей) и общественного мнения населения (зафиксированного в результате социологических опросов). Какого рода эта взаимосвязь — вопрос дискуссионный, требующий более масштабного исследования. На наш взгляд, нет достаточных оснований утверждать, что букварные тексты явились первопричинными в отношении «несоветского» перерождения общественного сознания и ценностных координат советских граждан. Скорее, можно говорить о том, что социально-психологические тенденции, реализовавшиеся в советском социуме во второй половине 1960-х гг., нашли косвенное отражение на страницах букварей.

Таким образом, тексты и визуальные образы букварей достаточно полно иллюстрируют картину советской событийности, фиксируя противоречивые социальные тенденции, явившиеся следствием модернизации в СССР 1950-х — 1960-х гг.

- ¹ *Горецкий В. Г., Кирюшкин В. А., Шанько А. Ф.* Букварь. 7-е изд. М.: Просвещение, 1987. С. 1.
- ² *Головин Н. М.* Букварь / под ред. С. П. Редозубова. 8-е изд. М.: Учпедгиз, 1944. С. 47.
- ³ *Редозубов С. П.* Букварь для обучения чтению и письму. 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1946. С. 31.
- ⁴ *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. М.: Учпедгиз, 1952. С. 52; 16-е изд. М.: Учпедгиз, 1959. С. 52.
- ⁵ *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. С. 52; 16-е изд. С. 52.
- ⁶ Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского. 10-е изд. М.: Учпедгиз, 1962. С. 73.
- ⁷ *Редозубов С. П.* Букварь для обучения чтению и письму. 3-е изд. М., 1946; *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. М., 1952; *Воскресенская А. И.* Букварь. 16-е изд. М., 1959; Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского. 10-е изд. М., 1962; *Архангельская Н., Карлсен Е.* Букварь. 2-е изд. М.: Просвещение. 1967.
- ⁸ *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. С. 79; 16-е изд. С. 79; 20-е изд. М.: Учпедгиз, 1963. С. 82.
- ⁹ *Архангельская Н., Карлсен Е.* Букварь. С. 87.
- ¹⁰ Там же. С. 87.
- ¹¹ *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. С. 83; 16-е изд. С. 83.
- ¹² *Воскресенская А. И.* Букварь. 16-е изд. С. 80.
- ¹³ *Воскресенская А. И.* Букварь. 20-е изд. С. 87.
- ¹⁴ *Редозубов С. П.* Букварь для обучения чтению и письму. С. 38.
- ¹⁵ *Golubev A., Smolyak O.* Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation // *Cahiers du monde russe*. 2013. Vol. 54, no. 3–4 (Juillet-décembre). P. 520–541.
- ¹⁶ *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. С. 74; *Редозубов С. П.* Букварь для обучения чтению и письму. С. 73.
- ¹⁷ *Редозубов С. П.* Букварь для обучения чтению и письму. С. 60.
- ¹⁸ Там же. С. 72.
- ¹⁹ *Архангельская Н., Карлсен Е.* Букварь. С. 70.
- ²⁰ Там же. С. 75.
- ²¹ Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского. С. 85.
- ²² Там же. С. 85.
- ²³ *Архангельская Н., Карлсен Е.* Букварь. С. 74.
- ²⁴ Там же. С. 75.
- ²⁵ Там же. С. 74.
- ²⁶ *Головин Н. М.* Букварь. С. 58.
- ²⁷ Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского, С. П. Редозубова. 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1957. С. 81.
- ²⁸ *Воскресенская А. И.* Букварь. 9-е изд. С. 87.
- ²⁹ *Воскресенская А. И.* Букварь. 16-е изд. С. 87.
- ³⁰ *Головин Н. М.* Букварь. С. 27.
- ³¹ *Редозубов С. П.* Букварь для обучения чтению и письму. С. 46.
- ³² Там же. С. 90.
- ³³ Там же. С. 78.
- ³⁴ Там же. С. 90.
- ³⁵ Там же. С. 78.
- ³⁶ *Архангельская Н., Карлсен Е.* Букварь. С. 95; Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского. С. 48.
- ³⁷ Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского. С. 95.
- ³⁸ *Архангельская Н., Карлсен Е.* Букварь. С. 56.
- ³⁹ Там же. С. 66.
- ⁴⁰ Моральный кодекс строителя коммунизма // *Хрестоматия по марксистско-ленинской философии*. М., 1962. Т. 3. С. 97.
- ⁴¹ *Golubev A., Smolyak O.* Making Selves through Making Things... P. 520.

⁴² Трофимов А. В. Экономические стратегии уральского населения (середина 1940-х — середина 1960-х годов) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 1. С. 115. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/094.pdf (дата обращения: 25.04.2017).

⁴³ Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002. С. 388.

⁴⁴ Головин Н. М. Букварь. С. 60.

⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁶ Букварь / под ред. И. Ф. Свядковского. С. 95.

⁴⁷ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 201–206.

⁴⁸ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М., 2006. С. 839–879.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Клинова М. А. «Что такое хорошо и что такое плохо»: эволюция нормативных поведенческих моделей младших школьников на страницах букварей середины 1940-х — 1960-х гг. // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 162–175. УДК 93.373.3

Аннотация: В статье предпринят анализ текстов и визуальных изображений, помещенных на страницах советских букварей середины 1940-х — 1960-х гг., направленный на выявление динамики транслируемых изданием должных поведенческих образцов, презентуемых первоклассникам. Исследование позволило прийти к выводу о существовании в транслируемой поведенческой модели секторов, отличающихся неравноценной трансформационной динамикой. Неизменное ядро нормативной поведенческой модели младших школьников составляли трудовая деятельность и коллективизм. Достаточную устойчивость проявляют элементы поведенческой модели, касающиеся проблематики отношения советского школьника к вещам. Транслируется идея сохранения вещей, бережного обращения с ними, формируются навыки самостоятельного изготовления и починки вещей. В то же время определенные составляющие нормативной модели претерпели изменения. Очевидные трансформации фиксируются в сфере культуры общения (в ее лексических и поведенческих проявлениях). Распространение городских стандартов жизни обусловило определенное «смягчение нравов» (по крайней мере на уровне эталонных, образцовых практик, преподносимых первоклассникам). В рамках периода 1950-х — 1960-х гг. фиксируется снижение нормативного уровня ответственности первоклассников за хозяйственное обеспечение и решение продовольственных проблем семьи, а также снижение нормативного уровня самостоятельности младших школьников, при усилении вовлеченности детей в общественные трудовые практики. Определенные корректировки фиксируются в сфере нормативного отношения ребенка к благам, предоставляемым государством. Идея «благодарности» Родине, транслируемая в 1940-е гг., исчезает из букварей второй половины 1960-х гг. В целом тексты и визуальные образы букварей достаточно полно иллюстрируют противоречивые социальные тенденции, явившиеся следствием модернизации в СССР 1950-х — 1960-х гг.

Ключевые слова: букварь, нормативная поведенческая модель, младшие школьники, СССР, повседневность.

Сведения об авторе: Клинова М. А. — кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия); klinowa.m@yandex.ru

FOR CITATION

Klinova M. A. "What is good and what is bad": The evolution of the Pupils' Behavioral Norms on the Pages of Primers in the mid-1940s — 1960s, *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 162–175.

Abstract: The article analyses the texts and visual images, placed on pages of the Soviet Primers mid 1940s — 1960s aimed at identifying the dynamics of the broadcast edition of the behavioral samples due to be presented to first-graders. Unchanged — normative behavioral patterns of younger students was work and collectivism. Sufficient stability are elements of a behavioral model relating to the attitude of the Soviet student. Is the idea of saving and careful handling of the things, form the skills of independent manufacture and fix things. At the same time, certain components of the normative model has been changed. The obvious transformation of the recorded field of culture and communication. The urban distribution of living standards has caused some "softening of manners" (at least at the level of reference, exemplary practices, presented to first-graders). Within the period of the 1950s and 1960s, recorded a decrease of normative level of responsibility of the first graders for economic support and food for the family, as well as reducing the standard level of independence of younger school students, with increased involvement of children in public employment practices. Certain adjustments are recorded in the regulatory relationship of the child to the benefits provided by the state. The idea of "gratitude" Homeland, broadcast in the 1940s, disappears from the pages of the Primers of the second half of the 1960s In General, texts and visual images contained in the pages of the publication, sufficiently illustrate the contradictory social trends that result from modernization in the Soviet Union of the 1950s and 1960s.

Keywords: primer, normative behavioral model, pupils, Soviet Union, everyday life.

Author: *Klinova M. A.* — Candidate of History, Associate Professor, Ural State Economics University (Ekaterinburg, Russia); klinowa.m@yandex.ru

References:

Golubev A., Smolyak O. 'Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation', *Cahiers du monde russe*, vol. 54, no. 3–4, Juillet-décembre 2013.

Grushin B. A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Eltsina: v 4 kn. Zhizn 1-ya. Epokha Khrushcheva* (Moscow, 2001).

Grushin B. A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Eltsina: v 4 knigakh. Zhizn 2-ya. Epokha Brezhneva* (Moscow, 2006).

Kharkhordin O. V. *Oblichat i litsemerit: genealogiya rossijskoy lichnosti* (Moscow; St. Petersburg, 2002).

Trofimov A. V. 'Ekonomicheskie strategii uralskogo naseleniya (seredina 1940-kh — sredina 1960-kh godov)', *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, no. 1, 2016 (URL: http://magistravi-taejournal.ru/images/j_pdf/094.pdf).